

Глава 48

Вьюга, подобная скале

На тренировочной площадке.

Дань Фэну стало жарко, и он распахнул верхнюю одежду. Пар, поднимавшийся от его тела, заставил Се Хунъи слегка нахмуриться.

Дань Фэн, не подозревая о неприязни, которую он вызвал, спросил:

— Гость подчиняется хозяину. Как будем драться?

Он давно хотел сразиться с этим главой стражи и уже некоторое время присматривался к нему.

Чанхэ был без оружия. Хоть у него и было телосложение воина, мышцы его не были сильно развиты. В бою на клинках он не был ему ровней.

Единственное, чего стоило опасаться, — это две белые полоски на его веках.

Нарисованные тигриные глаза медленно приоткрылись, и в них блеснул золотисто-карий свет. Четыре глаза одновременно раскрылись. В тот же миг Дань Фэн оказался под его пристальным взглядом, словно накрытый янтарной чашей.

У него было сильное предчувствие, что, попав под этот взгляд, он уже не сможет от него отделаться.

Дань Фэн нахмурился.

— В башне с цинем есть подвешенный цинь. У него порвана одна струна. Принеси её мне, — сказал Се Хунъи. — Для справедливости, Чанхэ будет ходить по галерее и не сделает ни шагу за её пределы.

Башня с цинем?

Он, должно быть, говорил о той башне с вышивкой рядом с покоем. Мысли Дань Фэна заметались, и он уже придумал несколько способов обойти галерею и добраться до башни.

— И всё? — спросил Дань Фэн.

Губы Се Хунъи слегка изогнулись, и он бросил в руку Чанхэ белый камень. Камень беззвучно рассыпался в пыль.

— Если на тебя попадёт хоть пылинка, ты проиграл.

Чанхэ кивнул, и его фигура в одно мгновение размылась, исчезнув в галерее.

Несколько небрежных слов, ни капли угрозы.

Но Дань Фэн тут же почувствовал неладное.

С его характером играть в прятки было мучительно, как резать тупым ножом. А когда в дело вступают дым или пыль, всё становится непредсказуемым. Даже он не смог увернуться от того аромата мускусной золотой канарейки.

Се Хунъи ударил по его слабому месту.

Даже тени Чанхэ не видно, как же от него защищаться?

Идти в лоб по коридору — слишком рискованно.

Дань Фэн, не колеблясь, развернулся и побежал к воротам особняка, в несколько шагов взобравшись на стену. Едва он показался, как в лицо ему ударил порыв ветра с запахом белого камня.

Чёрт, чуть не забыл, этот Чанхэ тоже владеет духовным корнем ветра.

Какая к чёрту справедливость.

Неудивительно, что Се Хунъи сделал шаг назад, позволив Чанхэ оставаться только в галерее. Для владельца духовного корня ветра это расстояние — ничто.

В этой игре не он нападал, а должен был, уворачиваясь от атак Чанхэ, защитить себя и добраться до башни с цинем!

Дань Фэн среагировал мгновенно, расслабив руки, он соскользнул по стене, выбил дверь в одной из комнат и вкатился внутрь.

Враг в тени, а он на виду. От дыма не укрыться, нужно как можно скорее спрятаться!

Он мысленно представил себе план особняка, и расположение дверей и окон тут же возникло в его голове. Если с достаточной скоростью выбивать двери и окна, впрыгивать и выпрыгивать...

Но едва он приземлился, как бумажные окна за его спиной с треском прорвались, и в них появились две чёрные дыры.

Взгляд Чанхэ снова нашёл его, и сквозь дыры хлынула белая пыль.

Этот парень ещё и глаза повсюду открывать может?

В доме тоже небезопасно.

Дань Фэн пригнулся, схватил медное зеркало и прикрылся им от белой пыли, но на зеркале с треском появились два глаза.

Дань Фэн тут же отбросил его и спрятался за колонной. Бум! Облако белой пыли взорвалось и исчезло.

Тем временем всё больше и больше белых тигриных глаз скользили по стенам, готовые в любой момент открыться.

Плохо. Для Чанхэ этот дом — что бумажный, он видит его насквозь.

Надо сказать, его техника идеально подходила для охраны. Даже комар не пролетит. Раньше, когда он беспрепятственно входил в покои, он его недооценивал.

Теперь же, похоже, Чанхэ просто не смел заглядывать в покои Се Хунъи.

Дань Фэн мог представить себе холодную усмешку на губах Се Хунъи.

Градоначальник Се редко бывал в хорошем настроении, и, должно быть, ему хотелось посмотреть, как он будет метаться в панике.

Тянуть время, пока не кончится белая пыль?

Дань Фэн быстро отбросил эту мысль.

Се Хунъи сказал «белая пыль», но не сказал «пыль от этого камня». С его коварным умом нужно было учитывать и словесные уловки.

Дань Фэн слегка прищурился.

Только защищаться?

Это не в его стиле. Чтобы выйти из этого положения, нужно было найти слабое место Чанхэ.

Эти марионетки — все они были умирающими, которых нашёл Се Хуньи...

Где же смертельная рана Чанхэ?

Глаза?

Он взял две кисточки для письма, сломал их на десятки кусочков и, щёлкнув пальцами, метнул их в глаза на стене. В то же время он выбил заднее окно и выпрыгнул наружу!

Чанхэ не встретил никакого сопротивления, и, когда он появился, ветер усилился, подняв в воздух тучи белой пыли, которые устремились ему в спину.

И действительно, Се Хуньи тайком дал ему целую горсть камней, ожидая, пока жертва потеряет бдительность.

Дань Фэн уже чувствовал носом слабый запах извести, но не увернулся, а бросился прямо к Се Хуньи, схватил его за рукав и прикрылся им.

Ветер мгновенно стих.

Он угадал.

Белая пыль поспешно рассеялась, не смея коснуться одежды их градоначальника.

Этот грубый поступок — использовать градоначальника в качестве щита — заставил фигуру Чанхэ на мгновение проявиться в галерее. Его четыре глаза расширились от изумления.

— Ты!..

— Я что? Глаза вытаращил, а толку? Глава стражи, ты уже второй раз сегодня попадаешься в ловушку «боязни навредить своим», и если не придумаешь ничего лучше, не вини меня, что я прикрываюсь градоначальником... — беззастенчиво сказал Дань Фэн, обняв Се Хуньи одной рукой и, прижимаясь к нему, двинулся в галерею.

Говоря это, он был начеку, ожидая, что тот в любой момент нападёт, но не смел прикладывать силу.

Кости такие хрупкие, от прикосновения дрожат, как полый бамбук.

У змеи есть слабое место. Не переломить бы ему талию.

Но Се Хунъи улыбнулся. Очень вежливая улыбка, от которой у него по спине пробежал холодок.

— Повторяешь свои ошибки, не так ли?

— О? — сказал Дань Фэн, проходя мимо Чанхэ. — Думаешь, я не знаю, что порванной струны в башне нет? Если бы я честно пошёл в башню, то получил бы в лицо полную порцию белой пыли, верно?

Он молниеносно протянул руку к рукаву Чанхэ и, щёлкнув пальцами, действительно услышал тихий звон струны.

Но тот тут же превратился в чёрную тень и выскользнул из его рук.

Дань Фэн снова почувствовал неладное.

Самое неприятное для него было — видеть, но не мочь поймать.

Чанхэ хоть и не смел осыпать их градоначальника белой пылью, но если он решил превратиться в тень и спрятаться в галерее, то это могло затянуться надолго.

Как выманить Чанхэ?

Взгляд Дань Фэна упал на угол карниза башни с цинем. Говорят, это было место, где Чанхэ часто сидел. Что-то было не так.

Один из железных коней на карнизе не издавал звука. Вместо него там висела выцветшая красная тесьма для волос.

Покачивалась на ветру.

Дань Фэн вдруг улыбнулся.

— Се Хунъи, моргни ещё раз, и я выиграл.

— Правда? — спросил Се Хунъи.

Он редко моргал, и его взгляд был на удивление настойчивым, словно он мог заморозить до костей.

Дань Фэн, глядя на него, уже сжимал в руке маленький камень. Он метнул его в железного коня, считая вслух:

— Раз, два...

Железный конь с грохотом упал, а камешек, подхватив красную тесьму, вернулся в руку Дань Фэна.

Сколько лет этой вещице?

Похоже, ею пользовалась маленькая девочка.

Фигура Чанхэ тут же проявилась, его четыре глаза расширились, и он бросился к его руке.

— Это что-то очень важное для тебя, да? Жаль, что ты не можешь выйти из галереи. Сердце, наверное, горит, да? — сказал Дань Фэн. — Забирай.

Вторую половину фразы он проглотил.

А что до струны, то давай её сюда!

В мгновение ока Се Хунъи поднял палец и легонько коснулся его. Дань Фэн почувствовал холодок на кончике носа, а затем в ноздри ударил слабый запах извести.

— ...

Се Хунъи медленно, кончиком пальца, на котором была белая пыль, нарисовал на его носу крест.

— Ты проиграл, болван.

Дань Фэн на мгновение остолбенел, а затем, опомнившись, воскликнул:

— Ты сжульничал!

— Я же сказал, ты сам напросился, — сказал Се Хунъи. — Боязнь навредить своим?

Он холодно усмехнулся и, безжалостно отвернувшись, взмахом рукава отбросил Дань Фэна в сторону.

— Терпел так долго, чтобы поиздеваться надо мной? — с недоверием спросил Дань Фэн.

— Мне нравится смотреть, как люди спотыкаются у самого порога, — сказал Се Хунъи, опустив глаза.

Он щелчком пальца отправил красную тесьму в руку Чанхэ, и тот, дрожа, сжал её.

— Это тебе урок, — сказал Се Хунъи. — Чанхэ, ты всё ещё не знаешь, чего боишься?

Чего боится?

Растерянность в сердце Чанхэ от его слов превратилась в ещё более ясный ужас.

В этом мире действительно было нечто, что заставляло его постоянно жить в страхе!

Только что, в тот миг, когда Дань Фэн отнял красную тесьму, его спину пронзила острая боль.

Словно бесчисленные маленькие стрелы из кованого железа вонзились в него, проделав множество кровавых дыр.

Он не мог их видеть и не мог остановить.

Его дрожь не укрылась от глаз Се Хунъи.

— В тот день я наслал на тебя град и проделал в твоей спине десятки кровавых дыр. Когда ты был на пороге смерти, я превратил тебя в марионетку, потому что мне не хватало подходящего оружия, а также из-за твоей одержимости. И ты считаешь меня своим спасителем? — слегка наклонившись, спросил Се Хунъи.

Только близкий человек мог заметить, что он был весьма недоволен.

Достигнув такого мастерства в технике переплавки тени, он не испытывал недостатка в теневых марионетках.

Марионетки должны быть послушными, но он, вопреки этому, сохранял их разум, давая им свободу действий, и позволяя их одержимостям, словно шипам, постоянно колоть его самого.

Это нисколько не шло на пользу его собственному рассудку.

Но он упорно шёл по этому пути страданий.

Он и сам был упрям до крайности, а после того как его меридианы были разрушены, он стал практиковать запретную технику, с которой не было пути назад. Естественно, он не терпел слабости и нерешительности у своих подчинённых.

Если Чанхэ действительно не выдержит, его можно было просто уничтожить. Человек, который не может удержать даже ненависть и боится лишь воспоминаний, не сможет выжить в этих снежных пустошах.

— Я знаю, что градоначальник ранил меня, чтобы спасти, — после долгого молчания поднял голову Чанхэ.

— Голова у тебя на месте. Что ещё помнишь?

— Вернуться! — сказал Чанхэ. — Я должен вернуться, толкнуть дверь, и я буду дома, я опоздал... Сяо Хунь... моя дочь... она ждёт меня дома... нет!

Воспоминания давались ему с трудом, вены на лбу вздулись.

— Нет, нельзя... возвращаться, нужно охранять дверь, ни в коем случае нельзя их впускать!

Клятва Чанлю снова отозвалась в его подсознании.

Дом, который он когда-то защищал до последней капли крови, всё ещё хранил тепло, но в его сердце была лишь безграничная скорбь и ужас.

— Прошлое было жестоким. Если хочешь избежать его, я помогу тебе, и будем считать, что я никогда не спасал тебе жизнь. Если же ты хочешь идти дальше и отомстить своим врагам, я помогу тебе приоткрыть завесу.

Губы Чанхэ слегка дрогнули и наконец сложились в облегчённую улыбку.

— Это было бы прекрасно. Прошу вас, градоначальник... расскажите мне!

— Хорошо! — поднял брови Се Хуньи.

Двенадцатый год эры Небесного Наказания, на древней земле Чанлю он создал свою первую теньевую марионетку — Чанхэ.

Сначала он не узнал Чанхэ, а охотился на бродяг, бесчинствовавших в окрестностях бездны Фаньюань.

Из девяти земель мира лишь юго-западная бездна Фаньюань была отделена, а вернее, подавлена Изумрудной завесой и облачной ширмой дворца Чанлю.

Фаньюань была древней расщелиной неизвестного происхождения, из которой вырывалась демоническая ци и вылезали чудовища. Туда же ссылали злых заклинателей и демонов из других земель. Это было такое же страшное место, как и озеро Ганьцзян в Обители Сихэ.

Несмотря на все опасности, под почти тысячеletним надзором дворца Чанлю, оттуда никогда не исходило большой беды.

До тех пор, пока Чанлю не пал. Некоторые злые заклинатели, изгнанные из земель Цзюймана, стали взбираться по железным цепям на скалах и собираться у бездны Фаньюань. Они повсюду охотились на владельцев духовного корня ветра, всячески заискивая перед Сюэлянь, чтобы заслужить право вступить в их ряды.

Все они были худыми, как призраки, с сине-чёрными лицами. Се Хунъи презрительно называл их «сюэчанами» и, встречая, испытывал на них свою технику переплавки тени. Но их было не счесть.

Чанхэ шёл по истёртой ветрами древней дороге под их пристальными взглядами.

Соломенная накидка, топор для дров, на плечах — два коромысла с дровами, покрытыми сосульками. Как обычный дровосек, он шаг за шагом шёл против ветра и снега. Связка тигрят-слуг, привязанная к коромыслу красной тесьмой, издавала весёлый звон.

За древней заставой, истёртой ветрами, узкая тропа вела к плодородной земле под названием Паньюань.

Семьи стражников часто селили в Паньюане, чтобы они могли видаться с родными и показать, что готовы разделить с ними жизнь и смерть.

Но это было до снежной напасти.

В битве за Чанлю Древняя застава, истёртая ветрами, приняла на себя первый удар. Эта могучая крепость отразила более десяти атак чудовищ из бездны Фаньюань, но в конце концов пала под градом. Ни один из защитников не выжил, и Сюэлянь с тех пор продвигались вперёд, не встречая сопротивления.

Крепость пала, и Паньюань не уцелел.

Тогдашний предводитель авангарда Сюэлянь, Баоши, известный своей жестокостью, лично взялся за дело. Каждый дюйм земли был залит кровью.

Не говоря уже о людях. Останки женщин и детей были разбросаны подо льдом, густо, как кровавый дождь, обратившийся в цветы.

Бесчисленные дыры в земле выли на ветру, и даже у сюэчанов волосы вставали дыбом. Тех, кто следовал за Чанхэ, становилось всё меньше.

У деревянных ворот Чанхэ остановился, резко обернулся и зарубил топором двух сюэчанов. Его удары были быстрыми и точными, в них чувствовалась ярость битвы.

Затем он снял окровавленную накидку, повесил её у ворот, и под ней оказались тёмно-синие тяжёлые доспехи, все в выбоинах от града, от которых веяло холодом.

Эти ворота стояли в самом узком месте горной дороги, единственные, ведущие в Паньюань. На них висел большой чёрный замок, увешанный амулетами на удачу. Среди молитв тысяч семей, ждущих возвращения своих воинов, его взгляд смягчился, и он нежно коснулся самого нижнего амулета.

— Ворота совсем старые, — губы Чанхэ дрогнули, и он выдавил из себя подобие улыбки. Он снял дрова и принялся чинить ворота.

На воротах были многочисленные следы от заклинаний, оставленных такими же, как он, солдатами перед уходом.

Он работал быстро и, закончив, поспешно толкнул ворота.

— Сяо Хунь, отец вернулся!

Он бросил дрова и раскинул руки, словно ожидая кого-то.

Когда иней на его лице растаял, его улыбка стала искренней. Именно в этот момент Се Хуньи узнал его.

Как это мог быть он?

Чанхэ, заместитель коменданта крепости, должен был погибнуть у Древней заставы, истёртой ветрами.

Се Хунъи своими глазами видел, как он давал клятву. Древняя застава, истёртая ветрами, была первой линией обороны Изумрудной завесы и облачной ширмы. Комендант, Ган Фэн, был храбрым воином, прославившимся своими победами, но несколько заносчивым. Чанхэ был спокоен и искусен в обороне. Хотя они и не ладили, но перед лицом врага их клятва была одинаково трагичной и решительной.

«Клянусь великим ветром, я разделю с этой заставой жизнь и смерть! Даже когда мои доспехи обратятся в прах, а тело — в белые кости, даже если бездна Фаньюань опрокинется, я не покину этот пост!»

Появление Чанхэ здесь означало, что он нарушил клятву.

А последствие нарушения клятвы...

Тяжёлая тень легла на сердце Се Хунъи. Неужели за этими воротами действительно ещё был дом?

Чанхэ звал, но ему никто не отвечал. Он толкнул ворота. Двор был пуст. Он обыскал всё вокруг, звал, но ответа не было. Его лицо побледнело. Он схватил тигрёнка-слугу и потряс его — тишина. Он с силой стёр с колокольчика налипший лёд и снег, и раздался дрожащий звон.

— Сяо Хунь, не пугай отца...

Словно небеса вняли его мольбам, в ответ раздался тихий звон колокольчика.

Из бочки с водой!

Чанхэ бросился к бочке, и в тот же миг тёмный ветер принёс на его спину снежинки.

Снежинки вытянулись, превратившись в бледную человеческую фигуру, которая, припав к спине Чанхэ, облизываясь, вместе с ним прислушивалась к звукам из-под замёрзшей крышки бочки.

Это были Сюэлянь!

Они всегда наслаждались чужими страданиями и, скорее всего, снова затеяли какую-то кровавую игру.

В мгновение ока Чанхэ резко обернулся, схватил Сюэлянь за шею и сломал ему хребет о свой топор.

— Прочь! — прорычал Чанхэ.

Он осторожно огляделся и лишь затем осмелился поднять крышку. На косичке девочки тихо покачивался второй тигрёнок-слуга. Чанхэ схватил дочь в объятия.

— Не бойся, не бойся, плохие люди ушли...

Сяо Хунь покачала головой и, закрыв отцу глаза ладошками, с силой оттолкнула его.

Чанхэ замер.

Вскоре его лицо исказилось от боли.

Это была клятва Чанлю. Нарушенная клятва стёрла из его памяти самое важное, то, за что он цеплялся до последнего, оставив лишь мучительную пустоту.

Что же я забыл... что-то очень важное... нельзя забывать...

На его шее волосы встали дыбом. Чувство опасности сжимало его, как кулак, но было бесполезно.

— Это я виноват, — только и смог сказать Чанхэ, прикрывая дочь спиной от снега и ещё крепче обнимая её.

— Уходи скорее! — закричала Сяо Хунь.

Слишком поздно.

Хоть она и закрывала глаза Чанхэ ладонями, белые тигриные зрачки на его веках всё ещё светились. Его техника работала днём и ночью, ни одно движение не могло укрыться от его глаз, и избежать того, что должно было произойти, было невозможно.

На его доспехах зашипел белый дым. Выбоины от града словно ожили, и невидимый град, пройдя сквозь его тело, стал материальным.

Град обрушился внезапно, под самой крышей, из его объятий, на глазах у него, расширившихся от ужаса!

Бум-бум-бум-бум-бум!

Каждая градина была размером с кулак, и они падали густо, как рой пчёл.

Мягкое тельце Сяо Хунь было разорвано в клочья, ошмётки плоти повисли на его соломенной накидке.

Разбитая бочка, брызнувшая в лицо тёплая кровь, разрушенные двери, окна, стены — всё застыло в глубине зрачков Чанхэ, но он не реагировал. Град всё шёл, и, распространяясь от его тела, с грохотом обрушился на крышу, а затем и дальше, охватив весь Паньюань адским вихрем!

— Сяо Хунь!!!

Чанхэ резко отшатнулся, мёртвой хваткой вцепившись в соломенную накидку на плече.

Накидка пропиталась кровью, и он не мог сдержать сильной дрожи. Из уголков его глаз хлынули кровавые слёзы.

— Я вспомнил, я вспомнил... нельзя было возвращаться, я же... как я мог забыть, это я должен был умереть, как я посмел вернуться... почему, Сяо Хунь! А-а-а-а-а!

Под его крики разрубленный топором Сюэлянь быстро восстанавливался, словно заранее зная, что произойдёт, и тихо посмеивался.

Се Хуньи щелчком пальца вытащил эту тварь из двора. Сам он не показывался, лишь его смутный силуэт, усмехаясь, спросил:

— Твоих рук дело?

Ученик Сюэлянь пришёл в ужас и уже собирался выпустить снежные лезвия, но его конечности беззвучно отвалились, оставив лишь извивающееся туловище.

Се Хуньи пригвоздил его к стене и спросил:

— У тебя не хватило бы на это мастерства. Кто это был?

Только тогда ученик Сюэлянь, оправившись от боли, выпалил:

— Не я, убей его, где ещё найдёшь такое развлечение? Это коронный приём Баоши, сейчас такого не увидишь.

— Баоши напал на Чанлю двенадцать лет назад, — бровь Се Хуньи дёрнулась, но его голос

остался ровным.

— Это его техника падающего града и летящего инея, — торопливо объяснил Сюэлянь, боясь, что ему не поверят. — Она может прикрепляться к живым людям, чтобы при захвате города не оставлять никого в живых. К тому же, этот Паньюань давно заброшен, кто знает, люди там или призраки...

Чанхэ выбежал за ворота, шатаясь, словно ему перебили хребет.

— Не должен был возвращаться... зачем я вернулся!

— Не возвращайся, не возвращайся, падающий град и летящий иней... это я, я его принёс, почему меня не убили, не дали мне вернуться!

— Баоши!!!

Эти слова он повторял снова и снова, как смертельное проклятие. Чанхэ сжимал топор и рубил им по льющемуся с неба граду, словно хотел разрубить на куски того, кто прятался за этой завесой. Но град проходил сквозь него, обрушиваясь на руины его дома.

Он бежал всё быстрее и быстрее, пытаясь убежать от этого места, но не мог удержаться на ногах, несколько раз ударившись о разбитые ворота. Железные шипы, которые он сам же и вбил, до крови разодрали ему лицо.

По пути сюда были одни ворота за другими.

Один замок за другим.

Когда-то он с нежностью запирали их, боясь, что они недостаточно крепкие. Но по иронии судьбы, они превратились в гору ножей, на которую он неминуемо наткнулся.

Руины Паньюаня, окутанные холодным дымом, быстро восстанавливались. Сяо Хунь появилась в кровавом тумане, с грустью глядя на спину отца. Два скромных домика, короткий карниз, под которым висело сделанное детскими руками гнездо из глины, замёрзшие птенцы снова открыли глаза... Печать падающего града и летящего инея на доспехах Чанхэ снова потускнела.

Выбежав за последние ворота, Чанхэ резко обернулся, на его лице боролись боль и растерянность. Он пальцами нацарапал на воротах кровавую надпись, стирая плоть до костей.

«Не возвращайся, ни в коем случае не возвращайся!!!»

Он упал без сил, но вскоре очнулся и с удивлением посмотрел на хмурое небо. Он хотел встать, но нащупал рукой разбитую дверную раму...

Кровавые слова, которые он только что написал, беззвучно исчезли.

Все следы его борьбы были стёрты, и амулеты на удачу тихо покачивались на ветру, зовя его домой.

И снова забвение.

— Пора идти, — пробормотал Чанхэ.

Он обернулся, посмотрел на деревянные ворота, надел накидку и взял топор.

— Ночью здесь бродят дикие звери, нужно укрепить ворота, — сказал он сам себе и, пошатываясь, пошёл по узкой тропе, ведущей из Паньюаня.

И так без конца.

Се Хуньи холодно наблюдал, как он снова и снова возвращается в Паньюань с градом, не вмешиваясь.

В Чанлю никто не вмешивался в муки нарушивших клятву. Каждый должен был нести свой крест сам.

Зато от того Сюэлянь он узнал некоторые подробности о прошлом Паньюаня.

Паньюань пал раньше Древней заставы, истёртой ветрами, почти одновременно. Когда весть об этом дошла до дворца Чанлю, было уже трудно разобрать, что было причиной, а что следствием.

Всё произошло из-за одного слова Баоши.

«Сначала сломить дух, затем взять крепость».

Этот грубый, наслаждающийся резнёй Сюэлянь, после падения дворца Чанлю больше не появлялся. Возможно, был тяжело ранен и рассеялся, а возможно, выполнил свою задачу и ушёл.

Но ученики Сюэлянь до сих пор повторяли его слова, сказанные перед битвой, как священное писание.

Баоши сказал: «Убивая, вырывай сердце. Так мы будем слишком долго брать крепость. Сначала вырежем Паньюань, поднимем знамёна, принесём духу снега в жертву благоухание плоти».

«Паньюань не бумажный. Используйте его. Он же хочет домой? Пусть вернётся».

«А потом? Хватит одного дождя, чтобы кровь и грязь Паньюаня потекли на стены крепости. Говорят, владельцы духовного корня ветра связаны кровными узами. Кто-нибудь видел такое?»

«Посмотрим, кто из этих стражников первым почувствует вкус. Старики, дети, каково это на вкус?»

Он облизывал зубы, словно пробуя пьянящий вкус плоти, и громко смеялся.

И в ту ночь Чанхэ сбежал из Древней заставы, истёртой ветрами. Он забыл о жестокой битве, даже о злом заклинании, которое наложил на него Баоши. Он бросил своих товарищей, покинул свой пост, чтобы успеть домой, но принёс с собой бурю, которая смыла кровью его родную землю

<http://bllate.org/book/16978/1591173>